

Глава 39. Младший брат или дядя?

Конница гарнизона Дэчжоу неслась вперёд, и северо-восточный ветер проносился над полями за стенами Сяцзиня.

Еян Цы, одиноко опираясь на меч, гордо стоял на пути мощного воздушного потока. Его красные одежды развевались, а длинные чёрные волосы трепетали, словно шёлк.

Головной конь резко остановился в трёх чжанах от него, и следовавшие за ним кавалеристы тут же натянули поводья. Весь отряд замер в мгновение ока, демонстрируя безупречную выучку.

Предводитель спрыгнул с коня, снял шлем и бросил его назад, где вещь поймал один из телохранителей. Небрежно отряхнув с себя пыль, он подбежал к Еян Цы и, широко раскинув руки, заключил его в медвежьи объятия, с силой встряхнув. Слово этого было мало, воин поднял его над землёй и закружил на месте, громко смеясь:

— Сяо Юнь! Эй, Сяо Юнь!

У юноши, который ничего не ел, от голода кружилась голова, а от вращения его начало тошнить.

— Отпусти! — не выдержал он. — Что за медвежьи повадки при встрече... Чжао Етин, поставь меня на землю!

Командир давно так от души не смеялся. Опустив друга на землю, он потёр лицо руками, стирая дорожную пыль и грязь. Перед ними предстало молодое, волевое лицо.

В его роду по материнской линии были предки из западных земель, и хотя за несколько поколений их кровь почти растворилась, в нём проявились черты пращуров: высокий нос и глубоко посаженные глаза, отливавшие синевой. Его мужественная красота имела лёгкий экзотический оттенок.

Еян Цы, внимательно его рассмотрев, заметил:

— Загрубел ты от ветра и солнца. Тяжело, наверное, в летучем отряде?

Чжао Етин беззаботно стряхнул с головы соломинку:

— Ну и пусть загрубел, я же не внешностью на жизнь зарабатываю. А насчёт тяжести — где сейчас легко? По-моему, тебе тоже несладко пришлось, от тебя так и несёт кровью. Это ты всех этих на земле порубил? Неплохо, за несколько лет твой меч стал ещё острее. Надо будет как-

нибуть помериться силами.

— Не всех, — ответил Еян Цы. — На рассвете разбойники-сянма напали на город, мы их отбили, а они оставили кучу трупов. Погода жаркая, ещё несколько часов, и они начнут вонять. Придётся звать стражников и народ, чтобы убрали. Сплошная морока.

— Это разве проблема? — Чжао Етин указал большим пальцем себе за спину. — Видишь? Две тысячи семьдесят человек, всё моё войско. За час всё уберут, как скажешь — сожгут или закопают.

Тот подумал и сказал:

— Раз уж людей хватает, лучше закопать, пусть покоятся с миром. Я сейчас пошлю стражника, чтобы показал дорогу. Нужно будет выделить место для нового кладбища рядом с Садам Лоцзэ.

— Без проблем, — кивнул командир.

Пока они оживлённо беседовали, несколько конников позади них тихо переговаривались и посмеивались. Будучи телохранителями Чжао Етина, они позволяли себе некоторую вольность.

Пэйфэн, самый молодой и любопытный, подмигнул Ляньину:

— Ну что, я же говорил, что это друг детства командира? Разве не красивее небесного небожителя?

Ляньин, в чьей семье были придворные дамы, был придирчив и любил спорить, но на этот раз ему пришлось согласиться:

— Неудивительно, что наш Гуанмань ни на кого не смотрит. Когда у тебя с детства перед глазами такой светлый образ, кто угодно потеряет голову. Не зря он о нём постоянно говорит.

Чжун Сяомань и Чжун Сяохань были сводными братьями. На людях они были не разлей вода, но наедине никогда не сходились во мнениях.

— Глупости, — сказал Чжун Сяомань. — Какой ещё друг детства, это младший брат нашего господина.

— Какой ещё младший брат, — возразил Чжун Сяохань. — Это его дядя.

— Младший брат или дядя, это же целое поколение разницы, — посмеялся над ними Ляньин. — Вы бы хоть договорились сначала.

Братья одновременно свирепо посмотрели на него.

— О чём договариваться? Это младший брат!

— Это дядя!

Их голоса прозвучали слишком громко. Чжао Етин обернулся и прикрикнул:

— Заткнулись все, шумные какие.

Четверо тут же сжались, их улыбки исчезли, и они, выпрямившись, замолчали, притворившись четырьмя копьями.

Еян Цы с усмешкой оглядел их:

— Твои люди? Забавные.

От его взгляда, в котором смешались упрёк и смех, четверым стало не по себе, и на носах у них выступил пот.

— Они долго пробыли в казарме, все прямолинейные и глаз не намётан, — Чжао Етин смущённо потёр нос и велел подвести коня.

Еян Цы сел в седло, и они поехали бок о бок к городским воротам.

У восточных ворот судья, подняв голову, крикнул Го Сысяну на стене:

— Сысян, сегодня ты славно потрудился, к счастью, всё обошлось. Прикажи открыть все четверо ворот, впускай гарнизон Дэчжоу в город. И ещё, распорядись, чтобы выделили землю у Сада Лоцзэ. Пусть свяжутся с... с кем? — он повернулся к спутнику.

Тот небрежно указал на Пэйфэна:

— С ним, с Пэйфэном.

— Пусть свяжутся с этим юношей, чтобы убрать поле боя за городом и очистить его от тел бандитов.

Го Сысян переглянулся с Пэйфэном, отдал распоряжения стоявшему рядом начальнику стражи и поспешно спустился со стены, чтобы лично открыть им ворота.

Когда створки распахнулись, Сяоци Го встал в проёме. Сначала он оглядел Еян Цы, убедился, что тот в порядке, а затем перевёл взгляд на Чжао Етина и, сложив руки, спросил:

— Вы — генерал гарнизона Дэчжоу?

Тот ответил на приветствие с прямоотой:

— Моя фамилия Чжао, имя — Чжао Етин. Я командую летучим отрядом гарнизона Дэчжоу, у меня нет ни ранга, ни звания, так что генералом меня называть не стоит.

— Летучий отряд — это тоже генеральская должность, — сказал Го Сысян, с восхищением разглядывая его доспех с наплечниками в виде голов зверей. — Меня зовут Го Сысян, я младший знаменосец в гарнизоне Пиншань, сейчас в отпуске, помогаю уездному судье.

Еян Цы, видя нескрываемый восторг помощника, с улыбкой представил их друг другу:

— Сысян мечтает о военной службе и больше всего восхищается полководцами, что сражались на поле брани. Думаю, вам будет о чём поговорить. Гуанмань, если будет время, дай ему пару советов.

— Советов давать не смею, — скромно ответил Чжао Етин. — Я и сам сейчас, можно сказать, не у дел. Если юный брат Го не побрезгует, может обращаться ко мне в любое время.

Го Сысян поблагодарил его и не удержался от вопроса:

— Господин Чжао, почему вы говорите, что не у дел? И как гарнизон Дэчжоу оказался в Сяцзине... об этом можно спрашивать?

Увидев лёгкий кивок судьи, Чжао Етин коротко ответил:

— Двор приказал переселить часть военных гарнизонов на юг, превращая армию в поселенцев. Из Дэчжоу тоже переселили несколько тысяч семей, их распределили по малонаселённым уездам префектуры Дунчан. Я и попросился в Сяцзинь.

Еян Цы не был удивлён. Его сестра, Еян Гуй, в письмах упоминала о политике военных поселений. Всё сводилось к тому, что пограничные войска бунтовали из-за нехватки продовольствия. Двор не мог выделить зерно, но, опасаясь, что простое сокращение армии приведёт к беспорядкам, придумал этот способ — кормить армию за счёт поселений.

По идее, переселять на юг должны были наименее боеспособные или не отличившиеся в боях части. Было непонятно, почему среди них оказался и летучий отряд Чжао Етина.

Тот, смутно догадываясь о причинах, сменил тему и, похлопав друга по руке, предложил спешиться. Следовавшие за ними кавалеристы также повели коней в поводу, чтобы не беспокоить жителей.

По обеим сторонам улицы стояли толпы горожан, с тревогой наблюдая за происходящим. В руках они всё ещё сжимали палки и вилы. Услышав ранее крики «гарнизон Дэчжоу», большинство из них не понимало, что это значит, но догадывалось, что прибыло подкрепление, и от радости люди кричали и плакали.

Теперь же, увидев въезжающий в город отряд воинов с суровыми лицами, сотни людей снова испугались. К счастью, во главе они увидели господина уездного судью. В их простом понимании, если Еян Цы идёт рядом с грозным воином, значит, и тот хороший, и его солдаты — тоже.

Наконец кто-то из толпы набрался смелости и громко крикнул:

— Господин!

Этот дрожащий голос прорвал пелену врождённого страха перед властью, и люди, воодушевившись, закричали:

— Наш судья!

— Спаситель наш!

Бесчисленные взгляды были устремлены на Еян Цы, многие от волнения не могли сдержать слёз. Но когда он посмотрел в их сторону, они опускали головы, не смея встретиться с ним взглядом, а когда он с улыбкой поклонился им, они растерялись, не зная, как ответить достойно.

В его улыбке блестели слёзы. Он остановился, внимательно оглядел собравшихся и громко сказал:

— Дорогие мои земляки, мы выиграли эту битву, Сяцзинь в безопасности! Эти воины отныне будут служить в нашем уезде, будут распахивать целину и защищать нас. И в городе, и за его пределами теперь можно жить спокойно. Возвращайтесь к своим делам, трудитесь, зарабатывайте деньги, и вместе мы сделаем нашу жизнь лучше.

Он говорил просто и понятно, так что его поняли даже неграмотные старики и старухи.

— Хорошо! Хорошо! — снова закричали люди, хлопая в ладоши. Их голоса гремели в воздухе. — Да хранит Небо Сяцзинь!

Всадники, ошеломлённые этой волной ликования, почувствовали неожиданную гордость. Чжао Етин смотрел на стоявшего рядом друга, и в его глазах светились радостная улыбка и гордость.

На склоне стены цензор Сюэ Тунань, наблюдая за этой сценой, от всего сердца произнёс:

— Воистину, «вода может нести лодку, а может и перевернуть её»!

В порыве чувств он ударил по стене и приказал своему слуге:

— Я обещал тому стражнику пожертвовать на защиту города и должен сдержать слово. Возьми ассигнацию в сто лянов серебра, отнеси в управу и не называй моего имени. А нам пора уходить.

— Да, господин, — ответил слуга. — Куда теперь направимся?

— По плану, в город Гаотан, — сказал цензор Сюэ. — Говорят, прошлой ночью на него напали бандиты, и всё лежит в руинах.

— Господину будет опасно туда ехать...

— Тем более я должен туда поехать. Почему город так легко захватили? Что там сейчас творится? Кто взял на себя ответственность и наводит порядок? Прибыло ли подкрепление из гарнизона Пиншань? Я должен увидеть всё своими глазами. В докладах, что я, Сюэ Тунань, представляю двору, — только правда, ни одного лживого слова, ни единой утайки!

— Слушаемся! — почтительно поклонились слуги.

На улице отряд конников продолжил движение, постепенно удаляясь от толпы. Впереди уже виднелся ямэнь.

— Твоя управа невелика, — заметил Чжао Етин, — вместит от силы человек триста.

— Не только она, и сам город тесен. Придётся вашим солдатам пока потесниться в храме Конфуция и в школе, — с сожалением сказал Еян Цы. — Я срочно распоряжусь, чтобы за стенами для вас построили казармы.

Командир покачал головой:

— Две тысячи всадников, где уж им поместиться в храме и школе. Да и шум от них будет мешать ученикам. У тебя и так людей не хватает, не беспокойся об этом, я сам решу.

— Как? — спросил судья.

— Ты только укажи место за городом, а мы сами построим себе дома. Погода жаркая, засушим на солнце кирпичей, возведём стены из утрамбованной земли — за полмесяца управимся. А пока поставим походные палатки. Вот только с провиантом... и людям, и лошадям есть надо...

Он смущённо и с надеждой посмотрел на Еян Цы.

Тот рассмеялся:

— Так вот оно что, генерал-попрошайка явился со своим войском пожить за мой счёт!

Чжао Етин покраснел и промолчал.

— Вы как раз вовремя. Летний урожай собрали, после уплаты налогов ещё осталось. Продавать не буду, как раз вам на провиант пойдёт. Но уговор дороже денег: будете есть мой хлеб — будете на меня работать.

— Говори, что делать, на всё согласен.

— Распашете десять тысяч му казённой земли, будете её возделывать, платить налог по закону, а сверх того — двадцать процентов в казну уезда, остальное — ваше. Во время службы в Сяцзине будете помогать во всех делах: строить дороги, возводить стены, рыть каналы, поддерживать порядок и бороться с разбоем. Я со своей стороны предоставлю семена, дам в аренду орудия труда и выдам провиант до осеннего урожая. Как тебе?

Гуанмань прикинул в уме и решительно ответил:

— По рукам!

— И ещё, твои солдаты должны соблюдать законы моего уезда. Если нарушат — я имею право наказать их по закону.

— Это само собой. Если нарушат закон, сначала накажешь ты, а потом я — по военному уставу.

Еян Цы удовлетворённо кивнул, а затем с тревогой добавил:

— Эх, ещё две тысячи холостяков... Теперь в уезде совсем нарушится соотношение мужчин и женщин. Хорошо хоть, что их сдерживает военный устав, а то я бы беспокоился.

Чжао Етин, сам равнодушный к делам амурным, не думал, что его подчинённым это так уж

необходимо, и беззаботно сказал:

— Если у них ещё останутся на это силы, значит, я их недостаточно гоняю. После работы — на учения. Посмотрим, у кого из этих охламонов останется энергия на глупости.

Еян Цы с сочувствием посмотрел на кавалеристов позади командира.

«Нельзя же весь отряд обрекать на вечное холостячество, — подумал он. — Но эту проблему можно решить и позже»

Чжао Етин положил ему руку на плечо:

— Вечером приходи ко мне в палатку, выпьем. До беспамяतства.

— Ты что, с собой вино привёз? Разве вы не налегке скакали?

— Конечно, нет. С тебя — вино, с меня... с меня — лунный свет. Сегодня как раз пятнадцатое число.

Еян Цы с улыбкой согласился, а потом, вспомнив о важном, торопливо сказал:

— Ты с телохранителями сначала идите в управу, поедите. Я велю повару накрыть для вас стол. Остальные пусть разобьют временный лагерь, а потом придут на уездный склад за провиантом и сами приготовят себе еду. А вечером я приду к тебе с вином.

Чжао Етин понял, что у друга ещё есть дела, и кивнул:

— Иди, занимайся. Я теперь здесь надолго, ещё успеем наговориться, не к спеху.

<http://bllate.org/book/15875/1499159>